

Юрий Петренко

Пуля и Печать 3: Южнобережный тупик

Юрий Петренко

Пуля и Печать 3:

Южнобережный тупик

<https://litres.ru/74389217>

SelfPub; 2026

Аннотация

Основано на реальных событиях

Ноябрь 1903 года.

Личный сейф Николая II опустошен изнутри.

По личному приказу царя расследование ведут лучшие из Департамента полиции: гений сыска Аркадий Коткевич («Умник») и двухметровый гигант Трофим Кузмич («Сила»).

Под видом строительства железной дороги Севастополь — Ялта, банда чиновников-заговорщиков скупает земельные участки в Крыму, выставляя казне безумные счета.

От погрома в Харькове до штурма банка в Симферополе, от продажных генералов до смертельной схватки на Графской пристани — сыщики начинают яростную охоту за чертежами и золотом.

В мире, где стальной стилет спасает казенный сургуч, пощады не будет никому.

Содержание

Глава первая. Зазор звука	4
Глава вторая. Двор на Конторской	32
Глава третья. Вагоны акционеров	56
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Юрий Петренко

Пуля и Печать 3:

Южнобережный тупик

Глава первая. Зазор звука

В ту ночь из кассы Общества взаимного кредита исчезло шестьсот тысяч рублей золотом.

Исчезло тихо.

Это обстоятельство особенно раздражало Коткевича.

Он вообще не любил тихих преступлений. В шумном преступлении хотя бы есть порядочность: разбили дверь, кого-нибудь ударили, застрелили сторожа — словом, человек честно показал, что пришёл за чужим.

А здесь — ничего.

Дверь была заперта.

Замки целы.

Печати на сейфе не повреждены.

Сторож клялся, что всю ночь сидел в будке и не отходил от входа.

И только денег не было.

Коткевич стоял перед сейфом, держа в руке свечу, и рассматривал восковую печать.

Красный воск блестел в пламени.

На нём отчётливо виднелся герб Общества взаимного кредита.

— Ну? — спросил Кузмич.

Коткевич не ответил.

— Я спрашиваю: ну?

— Я слышу.

— Тогда ответьте.

— Пока не вижу, на что.

Кузмич почесал подбородок.

— Денег нет.

— Это мы установили.

— Печати есть.

— И это установили.

— Значит, дело простое.

Коткевич наконец посмотрел на него.

— Вы полагаете?

— Конечно.

— В чём простота?

— Деньги украли.

— Каким образом?

Кузмич оглядел помещение.

— Через дверь.

— Дверь заперта.

— Через окно.

— Окно тоже заперто.

— Через дымоход.

Коткевич поднял глаза к потолку.

— Вы видите здесь дымоход?

— Нет.

— Тогда почему предложили?

— Хотел помочь.

— Вы уже помогли.

Кузмич усмехнулся.

— Чем?

— Перечислили все способы, которыми вор сюда не попал.

— Остался пол.

Коткевич ничего не сказал.

Кузмич тоже замолчал.

В комнате стало тихо.

За окном Харьков жил своей обычной жизнью: где-то лязгнул трамвайный вагон, на улице ругались извозчики, в соседнем доме хлопнула дверь. С утра город уже знал, что в кассе недостаёт денег. К полудню об этом будут знать все, кто умеет читать газеты. К вечеру, вероятно, половина Харькова будет уверена, что деньги украл лично председатель общества, а вторая половина — что председателя украли вместе с деньгами.

Председатель общества, господин Соколов, сидел за столом и нервно перебирал пальцами бумаги.

— Господа, — сказал он, — я ещё раз обращаю ваше вни-

мание: вчера вечером всё было в полном порядке.

Кузмич повернулся.

— Сколько именно было в полном порядке?

Соколов растерялся.

— Простите?

— Деньги.

— Шестьсот тысяч.

— Вчера?

— Да.

— Видели?

— Разумеется.

— Все?

— Что значит «все»?

— Все шестьсот тысяч.

Соколов открыл рот.

Закрыл.

— Я доверяю бухгалтерии.

Кузмич посмотрел на Коткевича.

— А я — нет.

Главный бухгалтер вздрогнул.

— Почему?

— Потому что вы бухгалтер.

— Это что, обвинение?

— Нет. Это профессия.

Коткевич едва заметно усмехнулся.

Он снова наклонился к печати.

— Кто закрывал сейф?

— Я, — ответил бухгалтер.

— Во сколько?

— В семь часов десять минут.

— Кто присутствовал?

— Председатель.

— Ещё?

— Помощник Иванов.

Коткевич поднял глаза.

Иванов стоял возле окна.

Молодой человек, лет двадцати пяти, худой, аккуратно одетый. Лицо бледное. Слишком бледное для человека, который просто присутствовал при ограблении.

— Иванов, — сказал Коткевич.

— Да?

— Вы видели, как закрывали сейф?

— Да.

— Печати накладывали при вас?

— Да.

— А потом?

— Я ушёл.

— Куда?

— Домой.

— Во сколько?

— Около половины восьмого.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

Иванов замешкался.

— Жена.

Кузмич кашлянул.

— Хорошее алиби.

Иванов посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что жена может подтвердить всё, что угодно.

Коткевич бросил на Кузмича короткий взгляд.

— Не мешайте.

— Я не мешаю.

— Вы мешаете.

— Хорошо.

Кузмич отошёл к окну.

Коткевич снова посмотрел на Иванова.

— А утром?

— Я пришёл в восемь.

— Касса уже была вскрыта?

— Нет.

— Кто обнаружил пропажу?

— Бухгалтер.

— Вы были рядом?

— Да.

— И что вы подумали?

Иванов опустил глаза.

— Что это невозможно.

— Почему?

— Печати были целы.

Коткевич несколько секунд смотрел на него.

— Именно, — сказал он.

Он отошёл от сейфа.

Подошёл к окну.

Потом к двери.

Осмотрел замок.

Сторож, стоявший у стены, нервно переминался с ноги на ногу.

— Вы, — сказал Коткевич.

— Я?

— Как вас зовут?

— Прохор.

— Прохор, ночью кто-нибудь входил?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

— Никого?

— Никого.

— А выходил?

Прохор замолчал.

Кузмич повернул голову.

— Вот это уже лучше.

— Я хотел сказать...

— Не спешите, — сказал Коткевич. — Вспомните.

Сторож вытер лоб рукавом.

— Никого не видел.

— Это не то же самое.

— Я не слышал.

— Уже лучше.

— Но...

— Что?

— Был шум.

Коткевич остановился.

— Когда?

— Ночью.

— Во сколько?

— Не знаю.

— Какой шум?

Прохор пожал плечами.

— Будто что-то тяжёлое тащили.

Кузмич подошёл ближе.

— Где?

— Снизу.

Коткевич посмотрел на него.

Кузмич кивнул на пол.

— Я же говорил.

Коткевич не ответил.

Он опустил на корточки.

Провёл ладонью по доскам.

Затем постучал костяшками пальцев.

Глухо.

Ещё раз.

Глухо.

Переместился на полметра.

Постучал.

Глухо.

Ещё.

Глухо.

Ещё.

Тук.

Коткевич остановился.

Кузмич подошёл.

— Здесь?

Коткевич постучал ещё раз.

Ток.

Звук был едва заметно другим.

Но этого хватало.

— Здесь пустота, — сказал Кузмич.

— Не торопитесь.

— Пустота.

— Мы пока знаем только, что звук отличается.

— А что ещё должно случиться, чтобы вы назвали пустоту пустотой?

— Нужны доказательства.

Кузмич посмотрел на пол.

— Сейчас будут.

Он вышел из комнаты.

Через несколько минут вернулся с латунной клюкой.

Коткевич поднял бровь.

— Откуда?

— Взял.

— Где?

— В кладовой.

— Зачем?

— Вы сказали нужны доказательства.

Кузмич поставил клюку на пол.

— Вот доказательство.

Первый удар пришёлся рядом с подозрительным местом.

Доски только дрогнули.

Второй — точно в середину.

Третий пробил верхний слой.

Из-под пола посыпался свежий цемент.

Председатель ахнул.

Бухгалтер выругался.

Кузмич довольно посмотрел на Коткевича.

— Теперь?

Коткевич наклонился.

— Теперь.

Под цементом обнаружилась деревянная рама.

А под ней — земля.

Свежая.

Не очень глубокая.

Но явно недавно тронутая.

Коткевич снял перчатку.

Провёл пальцами по краю.

— Это делали не вчера.

— Почему?

— Цемент ещё влажный, но дерево уже подсохло. Работа проведена раньше.

Кузмич присел рядом.

— Значит, готовились.

— Да.

— Долго?

— Не знаю.

— День?

— Возможно.

— Неделя?

— Возможно.

— Месяц?

Коткевич посмотрел на него.

— Вы намерены перечислить весь календарь?

— Я хочу понять.

— Тогда перестаньте угадывать.

Кузмич пожал плечами.

— Я же не Коткевич.

— К счастью.

— Вот и ладно.

Они спустились под пол.

Проём был тесный.

Кузмич пролез первым.

Коткевич последовал за ним.

Через несколько секунд они оказались в узком кирпичном проходе.

Вода сочилась по стенам.

Под ногами была грязь.

Запах стоял такой, что Кузмич некоторое время молчал, а потом сказал:

— Если вор жил здесь, я понимаю, почему он украл деньги.

Коткевич поднял фонарь.

— Почему?

— Чтобы больше сюда не возвращаться.

— Убедительная версия.

— Спасибо.

— Это не похвала.

— Всё равно приятно.

Они пошли дальше.

Через несколько шагов Коткевич увидел следы.

— Стойте.

Кузмич остановился.

На грязи отчётливо отпечатались несколько подошв.

Следы шли в одну сторону.

Обратно — почти не было.

Коткевич присел.

— Груз тащили.

— Тяжёлый.

— Почему?

Кузмич указал на борозду.

— Вот.

Коткевич кивнул.

— Верно.

— Значит, золото.

— Не обязательно.

— Что ещё столько весит?

— Например, человек.

Кузмич посмотрел на него.

— Мёртвый?

— В данном случае предпочтительно.

— Тогда хорошо.

Они пошли дальше.

Вскоре нашли мешковину.

Потом деревянный клин.

Потом металлическую стружку.

А затем — бур.

Коткевич поднял его.

Алмазная коронка блеснула в свете фонаря.

Кузмич присвистнул.

— Хороший.

— Очень.

— Дорогой?

— Достаточно.

— Значит, работали не крестьяне.

— Не обязательно.

— Кто работает таким?

Коткевич повернул бур в руке.

— Люди, которым нужно сделать отверстие быстро, тихо и точно.

— Значит, профессионалы.

— Или люди, которым профессионалы дали инструмент.

Кузмич кивнул.

— Опять вы всё усложнили.

— Зато не ошиблись.

Через несколько метров Кузмич заметил пачку.

Он поднял её.

— Нашёл.

— Что?

— Папиросы.

Коткевич подошёл.

Увидел знак.

Замолчал.

На пачке был герб Особой Канцелярии Гатчины.

Кузмич посмотрел на него.

— Это уже интересно.

— Нет.

— Почему?

— Слишком интересно.

— В чём разница?

Коткевич взял пачку.

— Если вы хотите скрыть след, вы не оставляете его там, где его обязательно найдут.

— Может, не подумали.

— Возможно.

— Или хотят, чтобы мы подумали про Гатчину.

— Именно.

Кузмич задумался.

— Тогда я бы на их месте оставил что-нибудь другое.

— Например?

— Письмо.

— Почему?

— Папиросы могут потерять.

— А письмо?

— Его прочитают.

Коткевич посмотрел на него.

— Иногда вы удивляете.

— Чем?

— Правильными мыслями.

— Редкое явление.

— Поэтому и отметил.

Они пошли дальше.

Коллектор вывел их к Рымарской улице.

След обрывался.

Кто-то хорошо знал городскую канализацию.

Или имел план.

Коткевич стоял у выхода, глядя на мокрую мостовую.

— Деньги вынесли отсюда.

— Думаете?

— Уверен.

— Шестьсот тысяч?

— Вероятнее всего.

Кузмич почесал нос.

— Не понимаю.

— Что именно?

— Зачем оставлять след.

— Чтобы мы его нашли.

— А если мы не найдём?

— Тогда след не сработал.

— Значит, рассчитывали на нас?

Коткевич посмотрел на него.

— Или на кого-то вроде нас.

Кузмич нахмурился.

— Это мне не нравится.

— Почему?

— Когда преступник знает, кто его ищет, он получает преимущество.

— А когда следователь знает, что преступник знает о нём, преимущество перестаёт быть односторонним.

Кузмич помолчал.

— Слишком длинно.

— Но верно.

— Это да.

Иванов исчез к вечеру.

Когда Коткевич вернулся в контору, молодой помощник бухгалтера уже не сидел за своим столом.

На столе осталась только чернильница.

— Где Иванов?

Бухгалтер посмотрел на него.

— Не знаю.

— Когда ушёл?

— После обеда.

— Куда?

— Не сказал.

— Почему вы не сообщили?

— Я не думал...

— Это ваша профессия — не думать?

Бухгалтер покраснел.

Кузмич подошёл к столу Иванова.

Открыл ящик.

Пусто.

Второй.

Пусто.

Третий застрял.

Кузмич дёрнул его.

Не открылся.

Дёрнул сильнее.

Ящик выскочил.

На дне лежала маленькая записная книжка.

Коткевич взял её.

На первой странице было написано:

«Если со мной что-нибудь случится, не ищите меня там, где будете искать сначала».

Кузмич прочитал через его плечо.

— Очень предусмотрительный человек.

— Или очень испуганный.

— Одно другому не мешает.

Коткевич листал страницы.

Большинство были пустыми.

На нескольких стояли цифры.

Суммы.

Даты.

Названия земельных участков.

Несколько фамилий.

Одна была подчеркнута дважды.

Шешковский.

Ниже:

Крым.

Ещё ниже:

земля вдоль трассы.

Коткевич закрыл книжку.

— Теперь понятно, зачем нам деньги.

— Нам?

— В переносном смысле.

— А я уже обрадовался.

Коткевич посмотрел на него.

— Три миллиона.

Кузмич перестал улыбаться.

— Где?

— В страховом резерве.

— И?

— Их вывели.

— Кто?

— Шешковский.

— Куда?

— В Крым.

— Зачем?

— Покупать землю.

— Какую?

Коткевич посмотрел на него.

— Вдоль будущей железной дороги Севастополь — Ялта.

Кузмич медленно выдохнул.

— Значит, дорога.

— Да.

— А деньги?

— Только начало.

Иванова нашли ночью.

В дешёвой чайной возле вокзала.

Он сидел за столом и смотрел на нетронутый стакан чая.

Кузмич сел напротив.

— Иванов.

Молодой человек вздрогнул.

— Я ничего не сделал.

— Это вы уже говорили.

— Я не крал.

— Этого мы пока не спрашивали.

Иванов посмотрел на него.

Кузмич кивнул:

— Вот видите. Уже сами начали рассказывать.

Иванов замолчал.

Через несколько минут пришёл Коткевич.

Сел рядом.

Не снял пальто.

— Иванов, мне нужна правда.

— Я боюсь.

— Этого я и ожидал.

— Они меня убьют.

— Кто?

Молчание.

— Шешковский?

Иванов опустил голову.

— Да.

— Он украл деньги?

— Не совсем.

— Что значит «не совсем»?

— Кража была придумана.

Коткевич не перебивал.

Иванов продолжал:

— Нужно было показать недостатчу. Списать её. Создать впечатление, что деньги пропали.

— Но шестьсот тысяч действительно исчезли.

— Да.

— А три миллиона?

Иванов посмотрел на него.

— Их вывели раньше.

— Куда?

— В Крым.

— Для покупки земли?

— Да.

— Вдоль трассы?

Иванов кивнул.

Кузмич спросил:

— Кто знает про трассу?

Иванов замолчал.

Коткевич дождался.

— Иванов.

— Я не знаю всех.

— Назовите тех, кого знаете.

— Шешковский.

— Ещё?

— Люди из Гатчины.

— Кто именно?

— Я не знаю.

— Японцы?

Иванов вздрогнул.

Кузмич это заметил.

— Японцы, значит?

— Я слышал одно имя.

— Какое?

— Фукусима.

Кузмич посмотрел на Коткевича.

Тот ничего не сказал.

— Что ему нужно?

— Карты.

— Какие?

— Высотные профили.

— Тоннелей?

Иванов кивнул.

Кузмич спросил:

— Для чего?

— Не знаю.

— Догадываетесь?

Иванов посмотрел на него.

— Для войны.

Кузмич перестал улыбаться.

Коткевич встал.

— Когда поезд?

— Через сорок минут, — ответил Кузмич.

— До Севастополя?

— Да.

— Тогда идём.

Иванов вскочил.

— А я?

Коткевич посмотрел на него.

— Вы останетесь.

— Но они меня убьют.

— Не убьют.

— Откуда вы знаете?

— Потому что теперь вы слишком полезны живым.

Кузмич добавил:

— А если всё-таки попробуют, скажете сторожу.

Коткевич посмотрел на него.

— Вы совершенно не умеете утешать людей.

— Я и не обещал.

Вагон был почти пуст.

Поезд тронулся.

Харьков медленно поплыл назад.

Коткевич сидел у окна.

Кузмич напротив него молча чистил револьвер.

Несколько минут они ехали в тишине.

Потом Кузмич спросил:

— Вы верите Иванову?

— Частично.

— Что из сказанного?

— Что деньги ушли.

— А про японца?

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что слишком много удобных совпадений.

— Папиросы?

— В том числе.

— Бур?

— Тоже.

— Иванов?

— Особенно.

Кузмич задумался.

— Тогда кто врёт?

— Все.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Значит, никто не забыл.

Коткевич посмотрел на него.

— Что именно?

— Что мы тоже врём.

— Мы?

— А разве нет?

Коткевич улыбнулся.

— В разумных пределах.

Кузмич убрал револьвер.

— Вот поэтому я с вами и езжу.

— Почему?

— Вы врёте умнее.

Коткевич отвернулся к окну.

Степь темнела.

За стеклом проплывали редкие огни.

На столике между ними лежала пачка гатчинских папирос.

Коткевич достал одну.

Но не закурил.

На внутренней стороне крышки появилась надпись.

Её не было там прежде.

«Не ищите деньги. Ищите того, кому нужна дорога».

Кузмич прочитал.

Потом поднял глаза.

— Вот теперь мне это совсем не нравится.

— Почему?

— Потому что я начинаю понимать.

— И что же?

Кузмич посмотрел в окно.

— Дорога ещё не построена.

— Да.

— А кто-то уже знает, где она будет.

Коткевич кивнул.

— Именно.

— И покупает землю.

— Да.

— И собирает карты.

— Да.

— И убивает тех, кто мешает.

Коткевич посмотрел на него.

— Пока никого не убили.

— Пока.

Он снова взял револьвер.

Поезд набирал скорость.

Где-то впереди лежал Крым.

Севастополь.

Старые казармы.

Порт.

Документы.

Деньги.

И люди, которые уже начали войну — хотя сама война ещё не началась.

Коткевич закрыл пачку папирос.

— Спите.

— Не хочу.

— Почему?

— Вы сказали «спите».

— И?

— Значит, сами будете не спать.

Коткевич улыбнулся.

— Вы становитесь наблюдательнее.

— Это рядом с вами заразное.

Поезд ушёл в ночь.

И только когда огни Харькова окончательно исчезли, Коткевич достал из внутреннего кармана кальку, найденную у Власова.

На ней была проведена будущая линия.

Севастополь.

Южный берег.

Ялта.

Но поверх неё другой рукой были нанесены ещё три линии.

Коткевич долго их рассматривал.

Потом понял.

Это были не железнодорожные тоннели.

Это были высоты, господствующие над ними.

Он свернул кальку.

— Что там? — спросил Кузмич.

— Пока не знаю.

— Тогда почему такой вид?

Коткевич посмотрел на него.

— Потому что я начинаю догадываться.

— А это хуже?

— Для кого?

Кузмич усмехнулся.

— Для того, кто оставил нам папиросы.

Коткевич снова посмотрел в темноту за окном.

— Нет. Для него хуже будет, если я окажусь прав.

И поезд понёс их на юг — туда, где железная дорога ещё существовала только на бумаге, но уже стоила людям денег, свободы и, как очень скоро выяснится, жизни.

Глава вторая. Двор на Конторской

К полудню Харьков уже знал, что из кассы Общества взаимного кредита пропали деньги.

К вечеру Харьков знал, что пропало золото.

К ночи знали сумму.

К утру следующего дня она выросла почти вдвое.

Так обычно и происходило с крупными деньгами: пока они лежали в сейфе, их было ровно столько, сколько показывала бухгалтерская книга. Стоило им исчезнуть — и каждый свидетель добавлял к ним что-нибудь от себя.

Кузмич относился к этому явлению спокойно.

— Шестьсот тысяч, — сказал он, перечитывая донесение.

— Да.

— А по городу уже говорят о миллионе.

— К полудню будет полтора.

— А к вечеру?

Коткевич сложил бумагу.

— Если деньги не найдутся, к вечеру будет два.

Кузмич кивнул.

— Хорошо.

— Что именно?

— Значит, вор пока не обеднел.

Они сидели в небольшой комнате над полицейской конторой.

На столе стоял чай.

Кузмич к нему не притрагивался.

Коткевич тоже.

Чай давно остыл.

На улице шёл мелкий дождь. По мостовой скользили колёса экипажей, извозчики ругались, лошади фыркали, а возле лавок уже собирались первые любопытные.

В городе всегда находились люди, которые любили преступления.

Не совершать.

Обсуждать.

— Вот что мне непонятно, — сказал Кузмич.

— Наконец-то.

— Не радуйтесь.

— Я и не радуюсь.

— Зачем красть шестьсот тысяч и оставлять целыми печати?

Коткевич поднял глаза.

— Потому что печати нужны были целыми.

— Вору?

— Тому, кто придумал кражу.

Кузмич нахмурился.

— То есть деньги украли не ради денег?

— Возможно.

— Тогда ради чего?

— Чтобы показать, что их украли.

Кузмич помолчал.

— Это уже совсем глупо.

— Нет.

— Почему?

— Потому что очень умно.

— Объясните.

Коткевич откинулся на спинку стула.

— Если человек крадёт деньги, ему приходится объяснять, куда они делись. Если деньги исчезают в результате мнимой кражи, их можно списать.

— На кого?

— На преступника.

— Которого нет.

— Вот именно.

Кузмич посмотрел на него.

— Значит, кто-то украл деньги, чтобы потом обвинить в этом другого вора.

— Или самого себя.

— Это как?

— Пока не знаю.

Кузмич взял остывший чай.

Попробовал.

Поставил обратно.

— Теперь знаю, почему вы его не пьёте.

— Что?

— Этот чай хуже преступника.

Коткевич улыбнулся.

— В нём хотя бы нет умысла.

В дверь постучали.

Вошёл полицеймейстерский помощник.

— Господа, вас ждут внизу.

— Кто?

— Гвоздевский.

— Что ему нужно?

— Говорит, появился новый свидетель.

Кузмич встал.

— Вот теперь пойдём.

— Почему?

— Свидетелей я люблю больше, чем чай.

Коткевич тоже поднялся.

— Это разумный выбор.

Свидетелем оказался мальчик лет четырнадцати.

Он сидел на краю стула и держал в руках шапку.

— Имя?

— Митька.

— Полное.

— Дмитрий.

— Фамилия?

— Сивцов.

Коткевич сел напротив.

— Что видели?

Мальчик посмотрел на Кузмича.

— Не бойтесь, — сказал Коткевич.

— Я не боюсь.

Кузмич кивнул.

— Правильно.

Коткевич бросил на него взгляд.

— Что?

— Поддержал.

Мальчик неожиданно усмехнулся.

Коткевич продолжил:

— Рассказывайте.

— Вчера вечером на Конторской стояла карета.

— Какая?

— Чёрная.

— Обычная?

— Нет.

— Чем отличалась?

— Колесом.

— Что с колесом?

— Железная полоса была новая.

Коткевич заинтересовался.

— И?

— На дверце герб.

— Какой?

Мальчик пожал плечами.

— Не разглядел.

— А людей?

— Двое.

— Одеты как?

— Один в форме.

— Какой?

— Путейский.

Кузмич сразу посмотрел на Коткевича.

Тот продолжал спокойно:

— Второй?

— Гражданский.

— Что делали?

— Ждали.

— Кого?

— Не знаю.

— А потом?

— Приехал ещё один.

— Кто?

— С чемоданом.

— Каким?

— Железным.

— Что было дальше?

Мальчик понизил голос:

— Они его забрали.

— Куда?

— Во двор фабрики Кромского.

Кузмич поднялся.

— Сейчас?

Коткевич посмотрел на него.

— Сейчас.

— Я знал.

— Что именно?

— Что вы это скажете.

— Тогда почему спрашивали?

— Хотел услышать.

Коткевич повернулся к мальчику.

— Ты уверен, что это было вчера?

— Да.

— В какое время?

— После десяти.

— Хорошо.

Кузмич достал монету.

Положил перед мальчиком.

— Это тебе.

Тот посмотрел на деньги.

— За что?

— За память.

— Я ничего больше не знаю.

— Поэтому и платим.

Фабрика Кромского находилась на Конторской улице.

Большой кирпичный корпус.

Длинная труба.

Двор, заваленный ящиками.

Ворота закрыты.

Возле них стоял человек в синей куртке.

Кузмич прошёл мимо.

Человек перегородил дорогу.

— Куда?

— Внутрь.

— Нельзя.

— Почему?

— Закрыто.

Кузмич посмотрел на ворота.

— Вижу.

— Тогда чего спрашиваете?

— Хотел убедиться, что вы тоже видите.

Человек нахмурился.

Кузмич повернулся к Коткевичу.

— Ваш выход.

Коткевич достал удостоверение.

— Мы по делу.

— По какому?

— По тому, о котором вам лучше не знать.

— Мне приказано никого не пускать.

— Кем?

— Управляющим.

— А если я скажу, что приказ изменился?

— Не поверю.

— Это разумно.

Коткевич посмотрел на Кузмича.

— Что будете делать?

Кузмич снял перчатку.

— Вежливо.

— Я вас умоляю.

Кузмич ударил в ворота плечом.

Они задребезжали.

Человек отскочил.

— Вы с ума сошли?

— Нет.

Второй удар.

Засов вылетел.

Кузмич вошёл во двор.

— Вот.

Коткевич прошёл следом.

— Очень убедительно.

— Я стараюсь.

Во дворе было тихо.

Слишком тихо.

Коткевич остановился.

— Где рабочие?

— Спрятались.

— Почему?

— Потому что я ломаю ворота.

— Логично.

— Наконец-то.

Они пошли дальше.

Следы кареты обнаружили почти сразу.

Свежая грязь.

Два глубоких следа от задних колёс.

Кузмич присел.

— Здесь стояла.

— Да.

— А это?

Он показал на царапину в земле.

Коткевич посмотрел.

— Ящик тащили.

— Тяжёлый.

— Очень.

— Золото?

— Возможно.

— Или человек.

Кузмич поднял голову.

— Опять человек?

— В вашем распоряжении ограниченный набор предметов.

— Я предпочитаю золото.

— Я заметил.

Следы уходили к старому складу.

Дверь была приоткрыта.

Кузмич положил руку на рукоять револьвера.

Коткевич поднял трость.

— Не спешите.

— Они там.

— Возможно.

— Тогда чего ждать?

— Пока они выйдут.

— А если не выйдут?

— Тогда войдём.

— Вот это уже разговор.

Кузмич сделал шаг.

Из окна склада раздался выстрел.

Пуля ударила в кирпич рядом с его головой.

— Вошли, — сказал он.

Коткевич тяжело вздохнул.

— Именно этого я и боялся.

Кузмич уже бежал.

Внутри склада было темно.

Пахло маслом, пылью и мокрым деревом.

Кузмич стрелял не в людей.

В потолок.

Канделябр рухнул.

Свет погас.

— Зачем? — спросил Коткевич.

— Чтобы они не видели.

— А мы?

— Мы тоже не видим.

— Прекрасный план.

— Сейчас увидим.

Кузмич ударил ногой по ящику.

Тот перевернулся.

Из-за него выскочил человек.

Кузмич схватил его.

Началась борьба.

Второй человек выскочил из боковой двери.

Коткевич увидел его.

— Слева!

Кузмич обернулся.

Поздно.

Человек ударил его.

Кузмич пошатнулся.

— Нехорошо.

Он выпрямился.

— Теперь моя очередь.

Через несколько секунд второй человек лежал на полу.

Коткевич подошёл.

— Жив?

— Пока.

— Первый?

— Тоже.

— Значит, повезло.

— Им?

— Нам.

Кузмич посмотрел на лежащих.

— Почему?

— Мёртвый человек редко разговаривает.

— А эти будут?

— Один обязательно.

Человек оказался инженером.

Возраст — около тридцати пяти.

Лицо серое.

Руки в мозолях.

На пальцах — следы металла.

Коткевич посмотрел на его руки.

— Власов?

Мужчина молчал.

— Инженер Власов?

— Кто вы?

— Вы знаете.

— Не знаю.

— Тогда почему побледнели?

Власов посмотрел на Кузмича.

— Он всегда так разговаривает?

Кузмич ответил:

— Да.

— А этот?

— Хуже.

Коткевич усмехнулся.

— У вас хороший наблюдательный аппарат.

— Я инженер.

— Тем хуже.

Коткевич достал из его кармана маленькую металлическую деталь.

— Что это?

— Ничего.

— Алмазная коронка.

— Инструмент.

— Для чего?

— Для бурения.

— Чего?

— Камня.

— Под банковским полом?

Власов замолчал.

Кузмич присел перед ним.

— Лучше говорите.

— Я не крал деньги.

— Мы пока не спрашивали про деньги.

Власов закрыл глаза.

Кузмич посмотрел на Коткевича.

— Он уже второй.

— Именно.

Коткевич сел рядом.

— Кто вас нанял?

— Не знаю.

— Неправда.

— Я работал по заказу.

— Чьему?

— Мне передавали инструкции.

— Кто?

— Человек.

— Прекрасно.

— Что?

— Вы очень подробно отвечаете.

Власов усмехнулся.

— Не знаю его фамилии.

— Имя?

— Иван.

— Где встречались?

— В Гатчине.

Коткевич замолчал.

Власов понял, что сказал лишнее.

— Я ошибся.

— Уже поздно.

Кузмич поднялся.

— А теперь карты.

— Какие карты?

Кузмич посмотрел на него.

— Вот теперь вы меня обидели.

Карты нашли в железном ящике.

Их было семь.

На каждой — линия будущей железной дороги.

Севастополь.

Балаклава.

Ялта.

Варианты тоннелей.

Высоты.

Грунты.

Водные источники.

Коткевич разложил кальки на полу.

Долго молчал.

Кузмич стоял рядом.

— Ну?

— Это не обычная трасса.

— Почему?

— Здесь три варианта.

— И?

— Каждый позволяет обойти одну и ту же гору.

— Значит, инженеры думали.

— Нет.

Коткевич указал на карту.

— Эти варианты делали разные люди.

— Откуда знаете?

— Разный почерк.

— По линиям?

— По расчётам.

Кузмич посмотрел на цифры.

— Для меня они все одинаковые.

— Поэтому вы и не инженер.

— Слава Богу.

Коткевич поднял одну кальку.

— Это оставьте.

— Зачем?

— Потому что остальные копии.

— А эта?

— Оригинал.

Кузмич взял карту.

— Куда её?

— В поезд.

— А Власов?

— Тоже.

— Он нам зачем?

— Если мы поедём одни, нас будут искать.

— А с ним?

— Будут искать ещё сильнее.

Кузмич кивнул.

— Логично.

Они вышли из склада через двадцать минут.

Власова вели между ними.

На улице уже собирались люди.

Кузмич заметил фургон.

Слишком новый.

Слишком чистый.

И стоял он там, где не должен был стоять.

— Это наш?

— Нет, — сказал Коткевич.

— Тогда чей?

— Сейчас узнаем.

Фургон двинулся.

Кузмич вытащил «смит-вессон».

— Стоять!

Фургон ускорился.

Кузмич выстрелил.

Пуля ударила в колесо.

Оно лопнуло.

Фургон занесло.

Вторая пуля разбила второе колесо.

Карета рухнула набок.

Из неё выскочили двое.
Кузмич бросился следом.
Первого он догнал у стены.
Второй исчез за воротами.
Коткевич пошёл за ним.
Власов попытался бежать.
Кузмич поймал его за ворот.
— Куда?
— Отпустите!
— Нет.
— Я ничего вам не сделал.
— Знаю.
— Тогда почему?
— Вы подозрительно быстро бегаєте.
Кузмич повёл его обратно.
Коткевич вернулся через несколько минут.
— Второй ушёл.
— Жалко.
— Нет.
— Почему?
— Он привёл нас к фургону.
Коткевич открыл заднюю дверь.
Внутри лежали три мешка.
Не золото.
Документы.
И пачка писем.

На одном стояла печать.

Особая Канцелярия.

Кузмич посмотрел на Коткевича.

— Вот опять Гатчина.

— Да.

— Вы говорили, что папиросы были слишком удобным следом.

— И?

— Значит, теперь у нас не папиросы.

Коткевич взял письмо.

— Теперь у нас документы.

— Лучше.

— Намного.

Вечером они вернулись в контору.

Власов сидел под охраной.

Коткевич читал бумаги.

Кузмич ходил по комнате.

— Что нашли?

— Деньги.

Кузмич остановился.

— Где?

— Не здесь.

— Тогда какие?

— След денег.

Кузмич вздохнул.

— Опять.

Коткевич положил перед ним письмо.

— Три миллиона.

— Что с ними?

— Переведены через страховой резерв.

— Куда?

— В Крым.

— Зачем?

— Покупать землю.

Кузмич посмотрел на карту.

— Вдоль дороги.

— Да.

— Которой ещё нет.

— Пока.

— А если не будет?

Коткевич поднял глаза.

— Тогда они потеряют всё.

— А если будет?

— Заработают в десять раз больше.

Кузмич задумался.

— Значит, ставка большая.

— Очень.

— Кто играет?

Коткевич не ответил.

Он взял ещё один документ.

Там стояла фамилия.

Шешковский.

Ниже:

Симферополь. Таврический земельный банк.

Кузмич прочитал.

— Едем?

— Да.

— Когда?

Коткевич посмотрел на часы.

— Сейчас.

На вокзале было людно.

Поезд № 2 уже готовили.

Кузмич поставил Власова в вагон.

Потом поднялся сам.

Коткевич задержался на платформе.

Он посмотрел на Харьков.

Город выглядел почти мирным.

Это было самое неприятное.

— Вы идёте? — спросил Кузмич.

— Да.

— Тогда чего стоите?

— Думаю.

— Опять.

— Последний раз перед поездом.

— И что надумали?

Коткевич посмотрел на него.

— Мы едем не за деньгами.

— А за чем?

— За теми, кто решил, что может купить дорогу до того, как её построят.

Кузмич кивнул.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Это уже похоже на дело.

Поезд тронулся.

Харьков медленно отступил.

А на столике в купе лежала первая калька будущей дороги.

Коткевич развернул её.

Кузмич посмотрел.

— Куда она ведёт?

— В Крым.

— Это я вижу.

— Тогда пока достаточно.

За окном мелькнули последние огни.

Через несколько часов они должны были увидеть Симферополь.

А там уже ждали люди, которые получили деньги.

И люди, которые получили приказ.

И два вагона бедных клерков из Лозовой, каждому из ко-

торых заплатили за право поднять руку в нужный момент.

Глава третья. Вагоны акционеров

Симферополь встретил их пылью.

Пыль была в воздухе, на крышах, на колёсах экипажей и, по мнению Кузмича, даже в кофе.

— Кофе плохой, — сказал он.

Они сидели в маленьком вокзальном буфете.

— Вы его ещё не пробовали.

— Запах уже попробовал.

Коткевич читал газету.

— Тогда не пейте.

— Я и не собирался.

— Зачем заказали?

— Хотел убедиться.

Коткевич опустил газету.

— В чём?

— Что он плохой.

— Убедились.

— Да.

— Следовательно, расследование успешно.

Кузмич кивнул.

— Пока единственное.

На вокзальной площади двигались экипажи.

Салгир за деревьями почти не был виден, но от реки тянуло влажным холодом.

Симферополь жил своим шумным утром.
Крымские татары торговались возле лавок.
Извозчики перекликались.

Чиновники спешили к учреждениям.

Военные шли к казармам.

И среди всего этого Коткевич увидел человека, который
не торопился.

Серое пальто.

Чёрный котелок.

Газета под мышкой.

Стоял он под старыми плоскими часами.

— Поливанов, — сказал Коткевич.

Кузмич посмотрел.

— Знаете?

— Нет.

— Тогда откуда?

— По тому, как он смотрит на вокзал.

— Очень полезное умение.

— Иногда.

Человек подошёл.

— Господа.

— Полковник?

— Поливанов.

— Коткевич.

— Кузмич.

Кузмич протянул руку.

Поливанов посмотрел на неё.

Пожал.

— Рад знакомству.

— Взаимно.

— Нам нужно поговорить.

— Здесь?

— Нет.

— Тогда пошли.

Поливанов посмотрел на Кузмича.

— Он всегда так?

Коткевич ответил:

— Да.

— Ясно.

В экипаже Поливанов говорил мало.

— Деньги пришли вчера.

— Сколько?

— Первая часть.

— Три миллиона?

— Именно.

Коткевич смотрел в окно.

— Через какой банк?

— Таврический земельный.

— Кто распоряжается?

— Формально — несколько акционеров.

— А фактически?

Поливанов посмотрел на него.

— Вы уже знаете.

— Я хочу услышать.

— Шешковский.

Кузмич спросил:

— Он здесь?

— В Симферополе.

— Где?

— В банке.

— Тогда чего мы едем не туда?

— Потому что сначала вам нужно увидеть вокзал.

Кузмич нахмурился.

— Мы уже видели.

— Не всё.

Поливанов указал на часы.

— В десять сорок прибудет поезд из Лозовой.

— И?

— В двух вагонах едут акционеры.

Кузмич посмотрел на него.

— Какие акционеры?

— Подставные.

— Сколько?

— Около ста.

— Бедные?

— Очень.

— Значит, настоящие.

Поливанов улыбнулся.

— Нет.

— А что делают?

— Голосуют.

Коткевич спросил:

— За что?

— За новую смету выкупа земель.

— Завышенную?

— В девять раз.

Кузмич присвистнул.

— Хороший банк.

— Пока да.

Коткевич смотрел на Поливанова.

— И вы позволили им приехать?

— Я не мог задержать два вагона без приказа.

— А приказа не было?

— Не было.

— Почему?

Поливанов помолчал.

— Потому что часть людей, которые должны были его дать, уже получили деньги.

Коткевич улыбнулся.

— Значит, мы имеем дело не с коррупцией.

— А с чем?

— С хорошо организованной коррупцией.

Кузмич кивнул.

— Это хуже.

— Значительно.

Поезд из Лозовой пришёл точно по расписанию.

Из первого вагона посыпались люди.

Клерки.

Мелкие чиновники.

Бывшие приказчики.

Два учителя.

Три человека в одинаковых сюртуках.

Несколько совершенно пьяных.

И ещё множество людей, которые явно не понимали, зачем приехали.

Кузмич смотрел на них.

— Эти?

— Да.

— И все акционеры?

— По документам.

— А в жизни?

Поливанов пожал плечами.

— В жизни они бедные люди.

Коткевич подошёл к одному.

— Простите.

— Что?

— Вы акционер Таврического земельного банка?
Человек растерялся.

— Да.

— Сколько у вас паёв?

— Два.

— Купили?

— Мне дали.

— Кто?

— Не знаю.

Коткевич кивнул.

— Спасибо.

Отошёл.

Кузмич подошёл к следующему.

— Вы акционер?

— Да.

— Сколько платят?

Человек покраснел.

— Не понимаю.

— За голос.

— Не знаю.

— Значит, мало.

— Почему?

— За большие деньги люди обычно помнят.

Человек ушёл.

Кузмич посмотрел на Коткевича.

— Все куплены.

— Да.

— Что делать?

— Ничего.

— Почему?

— Пока.

Кузмич недовольно посмотрел на него.

— Вы любите это слово.

— Какое?

— «Пока».

— Оно полезное.

— Чем?

— Позволяет не совершать глупостей раньше времени.

Таврический земельный банк стоял на Екатерининской улице.

Массивное здание.

Высокие окна.

Тяжёлая дверь.

У входа — жандармы.

Поливанов остановился.

— Вот.

Кузмич посмотрел на оцепление.

— Это против кого?

— Против вас.

— Нас много?

— Нет.

— Тогда они трусят.

Коткевич сказал:

— Или выполняют приказ.

— Чей?

Поливанов не ответил.

Коткевич посмотрел на него.

— Гвоздевич?

— Да.

— Значит, полицмейстер уже решил, кого защищать.

— Возможно.

— Нет.

Коткевич поправил перчатку.

— Если бы он защищал банк, поставил бы людей внутри.

— А снаружи?

— Снаружи он защищает тех, кто хочет уйти.

Кузмич усмехнулся.

— Хорошо.

— Что?

— Теперь можно ломать дверь.

Коткевич посмотрел на него.

— Почему я чувствую, что вы этого ждали?

— Потому что ждали оба.

Кузмич ударил сапогом.

Дверь содрогнулась.

Жандарм у входа схватился за оружие.

— Стой!

Второй удар.

Замок треснул.

Третий.

Дверь распахнулась.

— Внутрь! — крикнул Кузмич.

Коткевич вошёл следом.

— Не кричите.

— Не слышно.

— В этом здании?

— Уже слышно.

Внутри банка началась паника.

Клерки бросились к дверям.

Кто-то опрокинул чернильницу.

Кто-то спрятал бумаги.

Кто-то полез под стол.

Кузмич остановил одного.

— Стой.

— Я ничего!

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Значит, нечего бояться.

— Но вы...

— Я здесь.

Человек замолчал.

Коткевич прошёл дальше.

— Где заседание?

Никто не отвечал.

Кузмич поднял револьвер.

— Спрашивает.

Клерк указал наверх.

— Второй этаж.

— Вот.

Кузмич убрал оружие.

— Видите, как быстро.

Коткевич сказал:

— Вы ужасный человек.

— Зато эффективный.

На лестнице их встретили два жандарма.

Один поднял руку.

Кузмич выстрелил.

Но не в него.

Пуля ударила в большой канделябр.

Тот рухнул.

Стекло разлетелось.

Комната погрузилась в полумрак.

— Зачем? — спросил Коткевич.

— Чтобы ослепить.

— Кого?

— Всех.

— Очень избирательно.

— Зато честно.

В темноте слышались шаги.

Коткевич двигался спокойно.

Он знал, что паника работает на них.

Шум.

Крики.

Стекло.

Кузмич.

Всё это создавало хаос.

А хаос был лучшим другом человека, который заранее знал, куда идти.

Зал заседаний находился в конце коридора.

Двери были закрыты.

За ними кто-то кричал.

— Открывайте! — потребовал Кузмич.

— Заседание закрыто!

— Теперь открыто.

— Уходите!

Кузмич посмотрел на Коткевича.

— Опять?

— Конечно.

Дверь выдержала первый удар.

Второй.

На третий открылась.
За столом сидели акционеры.
И среди них — Шешковский.
Он не встал.

— Господин Коткевич.

— Ассессор.

— Вы нарушаете заседание.

— Вы нарушаете закон.

— Докажите.

— Сейчас.

Коткевич подошёл к столу.

Положил документы.

— Первая смета.

Шешковский посмотрел.

— Обычная.

— Вторая.

— Исправленная.

— Третья.

— Проект.

Коткевич положил четвёртую.

— А это оригинал.

Шешковский замолчал.

— Где вы это взяли?

— У инженера Власова.

— Не знаю такого.

— Вы ему платили.

— Докажите.

— Вот расписка.

Шешковский побледнел.

Кузмич посмотрел на него.

— Ещё есть.

Шешковский перевёл взгляд.

— Что вы хотите?

Коткевич ответил:

— Чтобы вы перестали делать вид, будто это земельная сделка.

— А что?

— Покупка влияния.

— Это ваше мнение.

— Нет.

Коткевич разложил бумаги.

— Здесь ваши платежи.

— Подделка.

— Здесь подпись вашего посредника.

— Подделка.

— Здесь запись о переводе трёх миллионов.

Шешковский молчал.

— Здесь — список людей, которым вы заплатили за участие в голосовании.

— Подделка.

Коткевич посмотрел на него.

— Вы повторяете одно слово.

— Потому что всё подделка.

— Нет.

Коткевич достал последнюю бумагу.

— Вот ваша собственная рука.

Шешковский посмотрел.

На листе стояло:

«Провести через страховой резерв. Землю приобрести до объявления трассы. Голоса обеспечить».

Подпись.

Шешковского.

Он ничего не сказал.

Кузмич тихо произнёс:

— Теперь лучше.

Поливанов вошёл в зал.

За ним — жандармы.

— Шешковский, вы арестованы.

Ассессор усмехнулся.

— На каком основании?

Коткевич ответил:

— Мошенничество.

— Только?

— Пока.

— Вы не понимаете, с кем связались.

— Понимаю.

— Вы ничего не знаете.

— Уже достаточно.

Шешковский посмотрел на него.

— Вы думаете, всё закончилось?

— Нет.

— Тогда почему арестовываете меня?

Коткевич спокойно сказал:

— Потому что вы первый.

Шешковский замолчал.

Кузмич посмотрел на него.

— Не повезло.

— Кому?

— Вам.

Шешковский усмехнулся.

— Вы даже не знаете, кто стоит за этим.

Коткевич сказал:

— Знаю.

— Кто?

Коткевич посмотрел на него.

— Фукусима.

Шешковский побледнел.

В комнате стало тихо.

Поливанов резко повернулся.

— Что?

Коткевич продолжал:

— Капитан Мицуо Фукусима. Японский Генеральный

штаб. Коммерческое имя — Шульц.

Шешковский закрыл глаза.

Кузмич тихо сказал:

— Вот теперь он действительно испугался.

Допрос продолжался почти два часа.

Шешковский сначала молчал.

Потом начал отвечать.

Неохотно.

Коротко.

Но отвечал.

— Деньги?

— Через посредников.

— Кто?

— Шульц.

— Фукусима?

— Да.

— Что ему нужно?

Шешковский долго молчал.

— Земля.

Кузмич фыркнул.

— Японцу?

— Не только земля.

Коткевич спросил:

— Профили высот.

Шешковский поднял глаза.

— Да.

— Зачем?

— Не знаю.

— Врёте.

— Не знаю точно.

— Что предполагаете?

Шешковский тяжело выдохнул.

— Война.

Кузмич перестал улыбаться.

— С кем?

— С Россией.

Поливанов ударил ладонью по столу.

— Это невозможно.

Коткевич спокойно посмотрел на него.

— Именно поэтому возможно.

— Вы понимаете, что говорите?

— Да.

Шешковский продолжил:

— Фукусима покупал не просто паи. Он покупал людей, землю, карты и сведения.

— Какие?

— Высоты.

— Какие именно?

— Тоннелей.

— Для дороги?

— Для того, что будет после неё.

Коткевич задумался.

— Диверсии.

Шешковский кивнул.

Кузмич спросил:

— А Шульц где?

Шешковский посмотрел на него.

— В Севастополе.

— Когда?

— Сегодня.

— Где?

— Не знаю.

Кузмич встал.

— Тогда поехали.

Коткевич поднял руку.

— Рано.

— Почему?

— Нам нужно забрать документы.

— Заберём в поезде.

— Что?

— Его.

Коткевич посмотрел на него.

— Власова?

— Да.

— Хорошо.

Вечером на вокзале снова было многолюдно.

Два вагона подставных акционеров уже готовили к обратному пути.

Кузмич смотрел на них.

— Вот эти все?

— Да.

— И никто не знает, за кого голосовал.

— Знают.

— Кто?

— Тот, кто им заплатил.

Кузмич кивнул.

— Значит, всё нормально.

— Что именно?

— Люди честные.

— В каком смысле?

— Всегда знают, за что им дали деньги.

Коткевич улыбнулся.

Поезд № 2 стоял у платформы.

Власова посадили в отдельное купе.

Документы — в металлический портфель.

Кузмич проверил оружие.

Коткевич закрыл пальто.

Они поднялись в вагон.

Через несколько минут поезд тронулся.

Симферополь начал отступать.

Поливанов остался на платформе.

Он поднял руку.

Коткевич ответил кивком.

Кузмич смотрел в окно.

— Он хороший?

— Кто?

— Поливанов.

— Не знаю.

— А Шешковский?

— Плохой.

— Фукусима?

— Опасный.

— Власов?

— Испуганный.

— А я?

Коткевич посмотрел на него.

— Шумный.

— Это всё?

— Очень.

Кузмич усмехнулся.

Поезд шёл к Севастополю.

В купе было тихо.

Власов сидел напротив.

— Я всё рассказал, — сказал он.

— Нет.

— Что ещё?

— Вы не сказали, кто передавал вам карты.

— Я не знаю.

— Это уже говорили.

— Потому что правда.

Коткевич посмотрел в окно.

— Хорошо.

— Вы мне не верите?

— Нет.

— Почему?

— Потому что человек, который действительно не знает, обычно не боится назвать имя.

Власов опустил глаза.

Кузмич сказал:

— Вот теперь можете говорить.

— Я не знаю фамилии.

— Имя?

— Фукусима.

— Его имя?

— Мицуо.

Кузмич посмотрел на Коткевича.

— Вот.

— Что?

— Теперь знаем.

Коткевич кивнул.

— Да.

Через час Кузмич заметил человека в коридоре.
Тот прошёл мимо купе.
Вернулся.
Снова прошёл.
Кузмич открыл дверь.
— Эй.
Человек остановился.
— Что?
— Иди сюда.
— Зачем?
— Поговорим.
— О чём?
— О том, почему ты третий раз ходишь мимо.
Человек развернулся.
Кузмич схватил его.
Из соседнего купе выскочил второй.
Коткевич уже был там.
Стилет трости блеснул.
Первый упал.
Второй выхватил пистолет.
Кузмич ударил его рукой.
Раздался выстрел.
Пуля ушла в потолок.
— Не стреляй, — сказал Коткевич.
— Он первый.

— Я не про него.

— А про кого?

— Про потолок.

Кузмич посмотрел вверх.

— Исправлюсь.

Через минуту оба лежали на полу.

У одного нашли бумаги.

У другого — билеты до Севастополя.

Коткевич просмотрел их.

— Гатчинские.

— Значит, следили за нами.

— Да.

— Плохо.

— Почему?

— Значит, мы идём правильно.

Коткевич кивнул.

— Именно.

Он посмотрел на Власова.

Инженер сидел неподвижно.

— Теперь вы понимаете?

— Что?

— Почему вас пытались забрать.

Власов кивнул.

— Да.

— И?

— Я хочу домой.

Кузмич сказал:

— Мы тоже.

— Куда?

— Пока в Севастополь.

Коткевич сложил бумаги.

— Там нас ждёт человек по имени Потапов.

— Кто он?

— Клерк строительного ведомства.

— И что с ним?

Коткевич посмотрел в окно.

В темноте мелькали редкие огни.

— Пока ничего.

Он не знал, что ошибается.

Потому что в этот самый момент в Севастополе человек по имени Потапов уже лежал в номере четырнадцать гостиницы «Киста».

Мёртвый.

С профилями тоннелей, которых больше не было при нём.

И с матросским узлом на шее.

Но до этого оставалось несколько часов.

А пока поезд шёл на юг.

Кузмич сидел у окна.

Коткевич читал бумаги.

Власов молчал.

И только один из задержанных гатчинских филёров, которого сочли без сознания, вдруг открыл глаза.

Он посмотрел на дверь.

И тихо сказал:

— Севастополь.

Второй, лежавший рядом, ответил:

— Там их встретят.

Кузмич услышал.

Он медленно повернул голову.

— Что ты сказал?

Филёр замолчал.

Кузмич поднялся.

Коткевич не отрывался от бумаг.

— Не трогайте его.

— Почему?

— Он только что сделал ошибку.

— Какую?

— Сказал нам то, что хотел скрыть.

Кузмич посмотрел на пленника.

— Повтори.

Молчание.

— Повтори, — сказал Кузмич.

Филёр закрыл глаза.

Кузмич усмехнулся.

— Ну и ладно.

Он сел обратно.

Коткевич перевернул страницу.

— Вы его не спросите?

— Нет.

— Почему?

— Потому что теперь мы знаем достаточно.

— Что именно?

Кузмич посмотрел на него.

— В Севастополе нас ждут.

— Это мы знали.

— Нет.

— Что же изменилось?

Кузмич посмотрел на спящего пленника.

— Теперь мы знаем, что они знают, что мы едем.

Коткевич кивнул.

— Это действительно меняет дело.

Он закрыл папку.

За окном показалась первая полоска моря.

Тёмная.

Холодная.

Почти чёрная.

Севастополь приближался.

А вместе с ним — следующий узел.

Потапов.

Номер четырнадцать.

Тройной рифовый узел.

Матросы.

Прокламации.

И очень удобная ложь, которую кто-то уже пригот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.